

Н.И. Николаев

© Николаев Н.И., 2023

О РАННЕМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М.М. БАХТИНА

Аннотация. В парижских статьях Николая Михайловича Бахтина (1894–1950) 1920-х годов и в ранних трактатах его брата Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) первой половины 1920-х годов имеется ряд общих тезисов и положений, несомненно восходящих ко времени 1910-х годов и свойственных не только обоим братьям, но и их друзьям по виленскому и петербургскому кружкам того периода. Таким образом, открывается путь к выяснению тех философских проблем, эстетических постулатов и художественных предпочтений, которые тогда находились в центре внимания обоих братьев и их друзей. Намечается также возможность выявления некоторых исходных моментов в движении М.М. Бахтина к созданию собственной оригинальной философии.

Ключевые слова: русская религиозная философия; неокантианство; феноменология; символизм; эстетика.

Получено: 20.11.2022

Принято к печати: 15.12.2022

Информация об авторе: *Николаев* Николай Иванович, главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького С.-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, 119034, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Для цитирования: *Николаев Н.И.* О раннем периоде жизни и творчества М.М. Бахтина // Литературоведческий журнал. 2023. № 1(59). С. 36–48. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.03

Nikolai I. Nikolaev
© Nikolaev N.I., 2023

ABOUT EARLY PERIOD OF M.M. BAKHTIN'S LIFE AND WORK

Abstract. In the written in 1920s in Paris articles of Nikolai Mikhailovich Bakhtin (1894–1950) and in early papers of his brother Mikhail Mikhailovich Bakhtin (1895–1975) of the first half of 1920s there are a number of general these and provisions that undoubtedly go back to the time of the 1910s and characteristic not only of both brothers, but also of their friends in the Vilna and St Peterburg circles of that period. Thus, the way is opened to clarify those philosophical problems, aesthetic postulates and artistic preferences, which were then in the center of attention of both brothers and their friends. It is also outlined the possibility of identifying some initial moments in the movement of M.M. Bakhtin to create his own original philosophy.

Keywords: Russian religious philosophy; neo-Kantianism; phenomenology; symbolism; aesthetics.

Received: 20.11.2022

Accepted: 15.12.2022

Information about the author: *Nikolai I. Nikolaev*, Principal Librarian of the Department of Rare Books and Manuscripts of M. Gorky Scientific Library, Saint Petersburg State University, University Embankment, 7/9, 119034, St Petersburg, Russia.

E-mail: n.nikolaev@spbu.ru

For citation: Nikolaev, N.I. “About Early Period of M.M. Bakhtin’s Life and Work”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(59), 2023, pp. 36–48. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.03

Изучение жизни и творчества многих выдающихся представителей науки и культуры прошлого века затруднено, к сожалению, тем обстоятельством, что от них почти не осталось свидетельств их творчества и жизни – ни архивов, ни писем, ни фотографий. И тогда документальное значение могут приобретать другие материалы. В частности, для этой эпохи наиболее достоверные сведения доставляют слухи, легенды и разговоры. И вот при исследовании биографии М.М. Бахтина с этими легендами, слухами и рассказами приходится считаться. Ведь и сам М.М. Бахтин в разговорах с В.Д. Дувакиным на деле не отказывается от собственной легенды, – он и не может этого сделать, – хотя и доносит до нас огромное количество деталей. Прояснить как сказан-

ное М.М. Бахтиным, так и угаенное им можно с помощью определенных контекстов.

Так, исключительно важен виленский гимназический кружок, связанный идеей возрождения Античности. Эта тема явно прослеживается в парижских статьях Н.М. Бахтина и в лекциях М.М. Бахтина в записи Р.М. Миркиной [12, с. 261–262]. О самом кружке сведения извлекаются из публикаций, посвященных Михаилу Иосифовичу Лопатто (1892–1981). Почти все они собраны в томе, подготовленном С. Гардзонио [5], где в какой-то степени восстанавливается лишь общее, увы, представление об этом кружке, куда входили, помимо самого М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин, Л.В. Пумпянский и И.П. Кобеко¹, чья мать стала крестной матерью Л.В. Пумпянского.

Кружок в каком-то виде продолжал существовать в Петербурге, куда на учебу в университете перебрались его участники, что и описано, в частности, в позднем романе М.И. Лопатто «Чертов сын», где в главе «Кружок мудрецов» принимают участие в беседах герои – Пумпянский, Бахтин, конечно, Николай, и другие персонажи [5, с. 228–258]. То есть и через много десятилетий опыт общения в кружке для Лопатто оставался актуальным, как будто дело происходило вчера. Особенно примечательна упоминаемая в романе исключительная эрудиция Пумпянского [5, с. 229–230], которую как присущую ему отличительную черту вспоминает и М.М. Бахтин [7, с. 261–262]. Приписываемые Пумпянскому, как и Н. Бахтину, суждения появляются на протяжении всей этой главы.

И здесь следует сказать несколько слов по поводу рассказа М.М. Бахтина об «Омфалосе» [7, с. 46, 56–62]. Считается, что возник «Омфалос» весной 1916 г., хотя М.М. Бахтин относит его возникновение к 1912–1913 гг. Участниками его обычно называют М.И. Лопатто, Н.М. Бахтина и В.С. Бабаджана, который пробыл всю войну на фронте. Однако среди его участников М.М. Бахтин с уверенностью называет Л.В. Пумпянского и братьев Сергея и Николая Радловых, которых М.И. Лопатто в своих упоминаниях об «Омфалосе» не называет. Однако осенью 1916 г. в армию уходит

---

¹ Иван Павлович Кобеко (1892–?) окончил юридический факультет Петербургского университета, участвовал в Первой мировой войне, офицер-корниловец в Белой армии, затем – в Париже, во время войны – в Сопротивлении; ближайший помощник Алексея Ремизова, описанный в его «Мышкиной дудочке».

Н.М. Бахтин, вернувшийся только в июле 1917 г. в Петроград, а М.И. Лопатто в октябре 1917 г. уезжает в Одессу [5, с. 407]. Таким образом, несомненно достоверные воспоминания М.М. Бахтина расходятся с принятой датировкой общества. Когда же М.М. Бахтин был свидетелем – если только и в этом случае он не основывался на рассказах брата – деятельности «Омфалоса»? Возможно, его воспоминания относятся только к более раннему, довоенному периоду существования общества. Кроме того, он полагает, что материалы «Омфалоса» могли сохраниться у М.И. Лопатто. Не сохранились. Но могли, возможно, сохраниться у братьев Радловых.

Более важным, однако, стало бы последовательное выявление того общего, что связывало братьев Бахтиных до их разлуки в 1918 г., общего в представлениях, предпочтениях и вкусах. Н.М. Бахтин приступил к созданию своих замечательных парижских статей в середине 1920-х годов после семи лет военной службы, отнюдь не предполагающей обычных умственных занятий, и, возможно, именно поэтому сохранивший в какой-то степени философские, эстетические и литературные предпочтения 1910-х годов, во многом, как можно предположить, общие с таковыми его брата. Имеются в виду не только «идеи» или что-то похожее, а прежде всего словосочетания, цитаты, имена и тому подобное, т.е. то, что порой не меняется на протяжении всей жизни. Например, отношение к Д.С. Мережковскому. В заметке «Мережковский и история» (1926) Н.М. Бахтин пишет, что в последних книгах эмиграции «Мережковский тот же, каким мы знали и любили его когда-то» [2, с. 115]. Этого, конечно, нет у М.М. Бахтина, резко отзывавшегося о Мережковском в беседах с Дувакиным [7, с. 97–100]. Правда, в лекциях по истории русской литературы в записи Р.М. Миркиной 1920-х годов он отмечает, что в отличие от Тынянова в трилогии «у Мережковского серьезные материалы», хоть и собранные по схеме [1, т. 2, с. 410]. Но отзвуки этого отношения к Мережковскому имеются у Л.В. Пумпянского, в трудах которого неизмеримо больше отсылок к символистской культуре, чем у М.М. Бахтина.

Безусловно, общее почитание Вяч. Иванова², Блока, Зелинского... Со стороны М.М. Бахтина простор для таких сопоставлений

---

² См. об этом: [8; 9].

дают, возможно, не столько его трактаты, сколько лекции в записи Р.М. Миркиной. И если все это учесть, то, скорее всего, можно будет понять, из чего выростали суждения М.М. Бахтина и как они связаны с его обращением к философии. Ведь и Н.М. Бахтин одно время увлекался философией. «Но философия была для Бахтина, – как сообщает М.И. Лопатто о Н.М. Бахтине в письме к Ф. Уилсон в 1951 г., – лишь непродолжительным опытом – он зашел в тупик неокантианства. Нашел он себя в филологии» [5, с. 421]. Закономерно поэтому упоминание в парижских статьях, хотя бы и в другом контексте, «Этики чистой воли» Г. Когена [2, с. 96], неокантианского тезиса, ставшего основным и для М.М. Бахтина и помянутого в отношении к нему в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» [3, с. 57], «мир не дан, а задан»: «Мир не дан, но лишь задан нам; то, что мы называем *бытием*, есть лишь смутная *возможность бытия*, ждущая от нас своего осуществления» [2, с. 24].

Более того, в его статье «Эмансипация психологии» отмечено философское движение обоих братьев в 1910-е годы от неокантианства к феноменологии, столь существенной для ранних трактатов М.М. Бахтина: «Первый том “Логических исследований” был роковой, определяющей книгой для русской философской молодежи (да и не только молодежи) предвоенных лет. В философском семинарии Петербургского Университета все мы только и делали, что испуганно “искореняли психологизм”. Призрак “психологизма” преследовал нас повсюду. Мы уличали в психологизме друг друга и самих себя. Гуссерль в этих преувеличениях, конечно, не виновен: редко кто из нас преодолел бесконечно сложный второй том “Исследований” и добрался до “феноменологии”. Еще менее повинен Гуссерль в том, что вся история философии виделась нам окончательно “очищенной”, высушенной и препарированной в духе самого радикального неокантианства (Платона мы воспринимали сквозь призму Наторпа и если читали Лейбница, то уж, конечно, “по Кассиреру”»)» [2, с. 110]. Представляется, что это «мы» включает и его младшего брата, хотя, конечно, трудно решить, кто из них одолел 2-й том «Логических исследований». Но от намеченной Н.М. Бахтиным канвы в сторону собственной оригинальной философии М.М. Бахтина остается всего несколько шагов. И в 1919 г., как мы знаем, его философия была уже изложена [10].

Знаменательно особое внимание Н.М. Бахтина к трудам такого выдающегося феноменолога и антрополога как М. Шелер [2, с. 125–129], чье имя не раз встречается в русской философской литературе 1910-х годов. С неменьшим интересом обсуждает его идеи во второй половине 1920-х годов и М.М. Бахтин. Правда, он разбирает другие его работы. Так, в подготовительных материалах к книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929) содержится конспект знаменитой книги М. Шелера «Сущность и формы симпатии» [1, т. 2, с. 657–734]. Можно сказать, что обоих братьев притягивает характерное для М. Шелера сочетание феноменологической и этической проблематики.

Что же касается русской философии, то М.М. Бахтин в беседах с В.Д. Дувакиным упоминает «Общество Владимира Соловьева», созданное молодыми его почитателями [7, с. 62], среди которых помимо братьев Бахтиных, скорее всего, были Николай и Сергей Радловы, чей отец, Э.Л. Радлов, поддерживал дружеские отношения с В.С. Соловьевым, был редактором собрания его сочинений и выпустил сборник своих статей, посвященных его философии. Но это почитание отнюдь не исключало критического отношения, скорее, предполагало его. В резко критическом обзоре книги Л.П. Карсавина «О началах», показывая ее «бессвязность и логическую нечленораздельность», Н.М. Бахтин утверждает: «Русская религиозная мысль, причастная – через культ – духу восточного богословия, всегда была отмечена гностическим дерзновением; она не могла и не хотела стать умаленным, теоретическим познанием сущего. Но, вместо того, чтобы непосредственно – сквозь полтора тысячелетия – связать себя с родственной традицией эллино-христианского богопознания, она искала осознать и закрепить себя в чуждых ей формах западной философии, – ломая их, умаляя себя... <...> Так, Вл. Соловьев – добросовестный ученик германских идеалистов – все время отеснял на второй план подлинного Вл. Соловьева-гностика. (Вот почему можно любить Соловьева не за его философию, но как бы сквозь эту философию, порою – наперекор ей)» [2, с. 112–113]. Напомним, что и такой близкий обоим братьям Бахтиным мыслитель как Л.В. Пумпянский в своей заметке о В. Соловьеве (1925) придерживается похожего подхода [13, с. 79–80]. Сам же М.М. Бахтин не менее резко отозвался о теоретических притязаниях Л.П. Карсавина, как пред-

ставителя русской религиозной философии, в статье «Социологизм без социологии», опубликованной под именем его друга П.Н. Медведева в 1926 г. [6, с. 267].

К 1910-м годам восходит несомненно обсуждаемая обоими братьями проблематика несоответствия современного теоретического мира и мира реальности, хотя естественно выраженная с отличиями в парижских статьях Н.М. Бахтина и в ранних теоретических трактатах и книге «Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина.

М.М. Бахтин утверждает в трактате «К философии поступка»: «Оторванным содержанием познавательного акта овладевает имманентная ему законность, по которой оно и развивается как бы самопроизвольно. Поскольку мы вошли в него, т.е. совершили акт отвлечения, мы уже во власти его автономной законности, точнее нас просто нет в нем – как индивидуально ответственно активных. Подобно миру техники, который знает свой имманентный закон, которому и подчиняется в своем безудержном развитии. <...> Страшно все техническое, оторванное от единственного единства и отданное на волю имманентному закону своего развития, оно может время от времени врываться в это единственное единство жизни, как безответственно страшная и разрушающая сила» [1, т. 1, с. 11–12]. Н.М. Бахтин рассуждает почти сходным образом: «Культура сплошь принудительна: она сложная и многообразно расчлененная система неумолимых принуждений, иерархия принуждений. И роль каждой из великих и малых сил, в нее входящих – как бы противоположны они ни были – строго предопределена в связи целого. Религиозные догматы, истины математики, прокламации бунтарей, требования моды, устав о налогах и правила версификации – все это связано какой-то молчаливой, бессознательной круговой порукой. Быть участником чего бы то ни было – это значит: раствориться в нем, потерять себя, быть вобранным какою-то внешней, тебя не знающей и не признающей силой» [2, с. 43]. Затем Н.М. Бахтин вновь развивает это положение: «<...> одна за другой, все творческие силы культуры *очистились* от соприкосновения с реальностью, ушли от нее, гордые своей безответственной свободой. А жизнь человечества, предоставленная себе, всецело подпала под власть мертвой необходимости, механики, числа; из единства и соподчи-

нения сознательных сил – она стала сцеплением и равновесием слепых интересов. Современная цивилизация, анархическая и бессвязная внутренне, извне оказывается поэтому упорядоченной и изощренной системой бессмысленного принуждения» [2, с. 96].

М.М. Бахтин рассуждает в том же трактате «К философии поступка» о «роковом теоретизме», свойственном европейской философии»: «Обнаружение априорно трансцендентального элемента в нашем познании не открыло выхода изнутри познания, т.е. из его содержательно-смысловой стороны, в исторически-индивидуальную действительность познавательного акта, не преодолело их разобщенности и взаимной непроницаемости, и для этой трансцендентальной активности пришлось измыслить чисто теоретический, исторически не-действительный субъект, сознание вообще, научное сознание, гносеологический субъект» [1, т. 1, с. 11]. Н.М. Бахтин с неменьшей остротой характеризует тупиковый логицизм западной философии: «Согласно пресловутой формуле Честертона, безумен не тот, кто потерял логику, но тот, кто потерял *все кроме логики*. Формула (во второй своей части) – необычайной точности, равно применимая не только в психиатрической клинике, но в пределах всей современной культуры, медленно изживающей огромное безумие! В частности, эта формула с особенной отчетливостью может быть проверена на педантическом гносеологизме и абстрактном идеализме недавнего прошлого. Подлинно, здесь было потеряно все, кроме логики. Зато логика, бесконечно изощренная и критически выверенная, стала самодовлеющим началом, превратилась из средства – в цель. Небывало систематический и точный аппарат философии обречен был работать в пустоте, создавая «логически общезначимые», но пустые и жизненно-бессильные построения» [2, с. 99].

М.М. Бахтин в статье «Искусство и ответственность» и в ранних трактатах постоянно говорит о единстве личности и о необходимости его осуществления. Но именно этот тезис с тем же постоянством раскрывается и в статьях Н.М. Бахтина: «<...> человек дан самому себе как текучее и неоформленное множество противоречивых и смутных тенденций, но *задан* себе – как завершенное и божественно-простое единство иерархически-суподчиненных сил» [2, с. 24]; «Это единство нельзя *просто найти* в себе в готовом виде, его можно *только осуществить*: неустанным уси-

лием возводить свою скрытую сущность в свое зримое обнаружение, всей волей, всем сознанием прорасти в акт, в действие, в мир. – Чтобы *все, что внутри*, было вовне» [2, с. 52].

Согласно М.М. Бахтину реальное осуществление личности возможно только в момент события бытия. Подобным образом ведет свое рассуждение и Н.М. Бахтин: «Знаменательно, что как раз в те моменты высшего напряжения, когда человек бывает в наибольшей степени собою, он менее всего думает о себе: его взор обращен не внутрь, на свое Я, но вовне, в мир, на объект действия. *Он весь в своем акте*. <...> Внутреннее конкретно отождествляется с внешним; чувство себя, своей цельности и полноты пронизывает самый акт, нераздельно сопутствует его ритму и, как острый привкус, сопровождает его осуществление» [2, с. 52].

Сходным образом также братья толкуют проблему «немого» чтения, чтения «про себя». Если М.М. Бахтин в статье 1924 г. «К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве», а затем в статьях и книгах, изданных под именами друзей, обращает внимание прежде всего на проблему «немых» жанров [11, с. 50–51], то Н.М. Бахтин в 1924 г. в «Письмах о слове» формулирует этот вопрос как следствие вытеснения слушателя читателем: «Поэзия, вне реального звучания указующих и определяющих слов, так же мало существует, как музыка – вне реального наличия чистого и беспредметного звука. Поэтому, проблема произносимого слова есть проблема поэзии вообще. То, в какой мере, в данную эпоху, брали слово как живое и звучащее, определяет, в существенном, весь облик словесного творчества этой эпохи. С этой точки зрения, *вся история новой европейской поэзии может быть истолкована как непрерывный процесс перехода от слова произносимого, реально звучащего, к слову мыслимому, читаемому “про себя”*. Слушатель постепенно вытесняется читателем» [2, с. 9–10].

В Невельской школе философии М.М. Бахтин несомненно был первым, – в его гениальности никто не сомневался, – но первым среди равных. Чертами гениальности отличались и два остальных ее ведущих представителя – М.И. Каган и Л.В. Пумпянский. М.В. Юдина в письме к П.А. Вульфису 20 октября 1962 г. так пишет о Л.В. Пумпянском, когда вспоминает его в связи с ка-

кими-то обстоятельствами: «<...> древние ассоциации с Львом Васильевичем Пумпянским, человеком гениальным, предельно сложным и трудным, человеком, активно порвавшим абсолютно все юношеские дружеские связи, трагически умершим без желания примириться со всеми нами» [16, с. 359]. Это сказано через два десятилетия после его кончины.

Эти три гениальных человека и составили Невельскую школу философии. Естественно, и в Невеле, и в Витебске, и потом в Ленинграде к ним, и прежде всего к М.М. Бахтину, тянулись незарядные люди, составлявшие их окружение.

Следует сказать, что имеется еще один источник, позволяющий представить умонастроение М.В. Юдиной и Л.В. Пумпянского перед приездом М.М. Бахтина в Невель в 1918 г. Это – невельский дневник М.В. Юдиной 1916–1918 гг. Еще один клад цитат, имен, текстов, в средоточие которых прежде всего Вяч. Иванов [14, с. 25–90].

В заключение необходимо сказать о двух серьезных оплошностях, допущенных нами в комментариях к статье 1924 г. в первом томе Собрания сочинений М.М. Бахтина. При перечислении прежних измененных названий этой статьи, под которыми она появлялась в печати, не было указано, что настоящее название уже два раза появлялось в печати.

М.В. Юдина в письме А.Н. Римскому-Корсакову предположительно 1924 г. (письмо не датировано) приглашает его на доклад «<...> некоего недавно сюда приехавшего философа М.М. Бахтина (“Проблема формы, содержания и матерьяла художественного творчества”))» [15, с. 73]. Таким образом, в письме приводится почти верное название статьи, вернее, первой, только и написанной части большой работы.

А название всей этой работы 1924 г. – «К вопросам методологии эстетики словесного творчества» – приведено в биографическом очерке – в разделе, написанном В.В. Кожиновым, в Саранском сборнике 1973 г., посвященном М.М. Бахтину [4, с. 6]. Однако сам же В.В. Кожинов изменил название при публикации статьи в 1975 г. в сборнике трудов М.М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики»³.

---

³ См. об этом: [1, т. 1, с. 710].

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6(7) т.]. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
2. *Бахтин Н.М.* Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги. М.: Лабиринт, 1995. 152 с.
3. *Вагинов К.К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.
4. *Кожин В., Конкин С.* Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. ст. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1973. С. 5–15.
5. *Лопатто М.О.* Я не гость, не хозяин – лишь имя... Стихотворения. Проза. Письма. Pisa-М.: Водолей, Università di Pisa, 2015. 480 с.
6. *Медведев П.Н.* Социологизм без социологии // Звезда. 1926. № 2. С. 267–271.
7. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 432 с.
8. *Николаев Н.И.* Вяч. Иванов и круг Бахтина // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; Москва: Водолей Publishers, 2003. С. 286–294.
9. *Николаев Н.И.* Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ, 2006. С. 226–234.
10. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в Невеле летом 1919 г. // Невельский сборник: статьи и выступления. Вып. 1: К столетию М.М. Бахтина. СПб., 1996. С. 96–101.
11. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 45–59.
12. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 5. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 210–280.
13. *Пумпянский Л.В.* Из литературного наследия // Филос. науки. 1995. № 1. С. 72–86.
14. *Юдина М.В.* Лучи божественной любви. Литературное наследие. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 815 с.
15. *Юдина М.В.* Письма М.В. Юдиной к А.Н. Римскому-Корсакову и А.Ф. Пашенко // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 70–84.
16. *Юдина М.В.* «Я всегда ищу и нахожу Новое...» Неизвестная переписка Марии Юдиной / сост. К.В. Зенкин, А.Б. Любимов, М.А. Дроздова. М.; СПб.: Нестор-история, 2022. 554 с.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [in 6(7) vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1996–2012. (In Russ.)
2. Bakhtin, N.M. *Iz zhizni idei: Stat'i. Ehsse. Dialogi* [From the Life of Ideas: Articles. Essays. Dialogues]. Moscow, Labirint Publ., 1995, 152 p. (In Russ.)
3. Vaginov, K.K. *Polnoe sobranie sochinenii v proze* [Complete Works in Prose]. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, 590 p. (In Russ.)
4. Kozinov, V., Konkin, S. “Mikhail Mikhailovich Bakhtin. Kratkii ocherk zhizni i deyatel'nosti” [“Short Sketch of Life and Activity”]. *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of Poetics and History of Literature]: Coll. Essays. Saransk, Mordovskii gos. universitet Publ., 1973, pp. 5–15. (In Russ.)
5. Lopatto, M.O. *Ya ne gost', ne khozyain – lish' imya... Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Pisa; Moscow, Vodolei Publ., Università di Pisa, 2015, 480 p. (In Russ.)
6. Medvedev, P.N. “Sotsiologizm bez sotsiologii” [“Sociologism without Sociology”]. *Zvezda*, no. 2, 1926, pp. 267–271. (In Russ.)
7. *M.M. Bakhtin: Besedy s V.D. Duvakinym* [M.M. Bakhtin: Conversations with V.D. Duvakin]. Moscow, Soglasie Publ., 2002, 432 p. (In Russ.)
8. Nikolaev, N.I. “Vyach. Ivanov i krug Bakhtina” [“Vyach. Ivanov and Bakhtin Circle”]. *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture]: Papers of International Scientific Conference, 9–12 Sept., 2002. Tomsk; Moscow, Vodolei Publ., 2003, pp. 286–294. (In Russ.)
9. Nikolaev, N.I. “Ideya Tret'ego Vozrozhdeniya i Vyach. Ivanov perioda Bashni” [“The Idea of Third Renaissance and Vyach. Ivanov of the Towel's Period”]. *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura Serebryanogo veka* [Vyacheslav Ivanov's Towel and the Culture of Silver Age]. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, pp. 226–234. (In Russ.)
10. Nikolaev, N.I. “M.M. Bakhtin v Nevele letom 1919 g.” [“M.M. Bakhtin in Nevel' in Summer 1919”]. *Nevel'skii sbornik: stat'i i vystupleniya*. Issue 1: K stoletiyu M.M. Bakhtina. St Petersburg, 1996, pp. 96–101. (In Russ.)
11. Nikolaev, N.I. “M.M. Bakhtin v 1910-e i 1920-e gody: edinstvo puti” [“M.M. Bakhtin in 1910–20 s: The Unity of the Path”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 45–59. (In Russ.)
12. Nikolaev, N.I. “M.M. Bakhtin, Nevel'skaya shkola filosofii i kul'turnaya istoriya 1920-h godov” [“M.M. Bakhtin, Nevel' School of Philosophy and Cultural History of 1920 th”]. *Bakhtinskii sbornik*. Issue 5. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury Publ., 2004, pp. 210–280. (In Russ.)

13. Pumpyanskii, L.V. “Iz literaturnogo naslediya” [“From the Literary Heritage”]. *Filosofskie nauki*, no. 1, 1995, pp. 72–86. (In Russ.)
14. Yudina, M.V. *Luchi bozhestvennoi lyubvi. Literaturnoe nasledie* [*Rays of Divine Love. Literary Heritage*]. Moscow; St Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999, 815 p. (In Russ.)
15. Yudina, M.V. “Pis'ma M.V. Yudinoi k A.N. Rimskomu-Korsakovu i A.F. Pashchenko” [“M.V. Yudin’s Letters to A.N. Rimskii-Korsakov and A.F. Pashchenko”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 2000, pp. 70–84. (In Russ.)
16. Yudina, M.V. “Ya vseгда ishchu i nakhozhu novoe...” *Neizvestnaya perepiska Marii Yudinoi* [*Unknown Correspondence of Mary Yudina*], comp. K.V. Zenkin, A.B. Lyubimov, M.A. Drozdova. Moscow; St Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2022, 554 p. (In Russ.)